

Что же касается стихов, то рифмованные фразы свыше 40 раз встречаются и в «Зрелище», обычно в заключительных ситуациях басен или в нравоведении: «Тогда Юпитер посла к ним начальника Жаравля. и сей еще и суд благ между има творяше, обаче многия от них снадаше» (№ 45); «Юроде, почто беснуеши? Не веси ли, яко... еще не будем работати, учнут нас бити и к тому не кормити?» (№ 88), и др. Понятно, что композиционная приуроченность и сюжетная мобилизованность таких рифм исключают их морфологическое объяснение.

Порой лишь отдаленное сходство обнаруживают и сентенции «Зрелища» и «Театра», не говоря уже, сколь часто разнятся они категоричностью и остротой суждения, и там, где у Саделера гнома, у Виниуса — филиппика.

Конечно, насыщенность беллетризованными историческими сюжетами придавала «Зрелищу» немалую познавательную ценность даже при узко дидактической их интерпретации. Однако на первом плане тут все же идеологические мотивы.

Политическим идеалом представляется правление «тихого» государя, «иже правяше люди своя во блазе, со всякою тихостию и кийждому суд творяше праведный» (№ 11). Это и в интересах монарха, ибо «благое состояние князей и государей состоится во благоденствии подданных их» (№ 3). Но та же идея выдвигается и в более экспансивной форме: «Сице яростию правящим реку, яко не толикую силу имут, яко тии, иже тихостию и разсуждением управляют своя люди» (№ 11).

Многokrатно повторяется тема «малых подданных», которые «могут во время подобно, яко же и великия, помощь государем своим сотворити» (№ 10), так как «во общую пользу и последний угодны быти могут в службу против силы своей» (№ 37). Однако тщетно надеяться на монаршью благодарность: «Аще кто время свое туне изживет во дворех великих и службы служит великия, ожидая себе воздаяния, — таковии состареются, воздаяния же немногия получают» (№ 86). И вообще «близость царская — яко близость огня» (№ 75).

Но приведу хотя бы одну полную басню — «О Пифике и Коте»:

«Некогда Пифик виде при огне каштаны лежащия, зело я възжеле ясти, — взем Кота за лапу и тою оныя каштаны из огня взимаше. Кот же аще и зело вопияше, яко лапу его сожже (не бяше бо железная), глаголаше, чесо ради мучительство такое ему творит? Но обезьяна ругающийся Коту рече: „Что вопиеши? аз бо не слышу“.

Сице немощи и властелие руками подданных своих достизают многие земли и грады от огня лютыя брани» (№ 51).

Эмоциональная взволнованность отличает текст Виниуса, когда предметом его оказывается социальная несправедливость: «Сице бысть в мире: многия люди, иже тяжчайшия работы подемяют, таковии вящший глад терпят, — и рукоделный человек егда хлеб свой во изобилии получитьи может? — А тунеядцы выну во изобилии пребывают. Того ради глаголется: иде же в работе вящшая тяготá, ту глад, оскорбление и большая нагота» (№ 116); «Горе рабам, над ними же мучитель господствует, зане люди своя к тяжкой работе понуждает, еще же и биет» (№ 1); «Сице мнозии человецы обыкоша жити трудами и потом кровавым иных человек, — таковыя самую плоть от костей ближних своих потребляют и снадаяют» (№ 53), и др.

Но перевод Виниуса далек от оправдания социального бунта и тем более от побуждения к нему (см. басни №№ 28, 45, 122, 125). Отсюда извечная утешающая проповедь социального смирения, на что находятся и подобающие резоны, ибо «човецы в санах великих падению подлежат,